

Дарья Сойфер

ИСКЛЮЧЕНИЕ

любовь по-голливудски

Дарья Сойфер

Исключение

«Автор»

2023

Сойфер Д.

Исключение / Д. Сойфер — «Автор», 2023

Каждая золушка мечтает о принце. Но что делать, если твой принц - мировая знаменитость? В Москву приезжает голливудский актер, и журналистке Лиде Стрельниковой поручают взять у него интервью. Андерс Норберг невероятно красив и притягателен, поэтому девушка с легкостью принимает недвусмысленное предложение, зная, что больше никогда не увидит кинозвезду. Но обстоятельства складываются иначе. Более миллиона прочтений в сети!

© Сойфер Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Дарья Сойфер

Исключение

ГЛАВА 1

Ничто не могло испортить настроение в такой день. В такой настоящий солнечный весенний день, когда на асфальте уже нет и следа от кучек закопченного снега. Улицы Москвы походили на комнату во время ремонта: уже содраны старые обои, но беспорядок ликвидирован, а ровные и гладкие серые стены выглядят многообещающе.

Лида Стрельникова шагала на работу в твердой уверенности, что случится что-то хорошее. Почки еще не распустились, но на душе была такая легкость, которая бывает только в апреле. Лида несла на работу печенье собственного приготовления и предвкушала посиделки с девочками.

Редакция журнала «Богема», в котором работала Лида, недавно переехала в модный офис в Москва-Сити. Смысл этого перемещения могли оправдать только завышенные амбиции главного редактора. Зато войти в высотку можно было прямо из метро. Лида была довольна: ее прекрасное нежное печенье с цукатами пережило поездку в утренней давке. Она торопливо прошла через зону бутиков и в офисную башню. Там, как и всегда, царила истинная ярмарка тщеславия. Отовсюду шагали деловые костюмы, куда ни глянь – сплошные Бриони. Среди всего этого великолепия Лида чувствовала себя голюй перекаточной, хотя и потратила на плащ половину зарплаты. Самое интересное, что большинство из дорого одетых клерков покупали костюмы в кредит, чтобы пустить пыль в глаза. Обычные парни из провинции, живущие на съемной квартире, готовы были платить бешеные деньги каждый месяц, оплачивать кредит на новенький BMW, часы и костюм представительского класса, питаясь дешевой лапшой.

Лиде это было чуждо, но так получилось, что после иняза она смогла по знакомству устроиться только в журнал «Богема», а для того, чтобы там работать, ей следовало соответствовать названию. Лиде приходилось посещать места, пропитанные пафосом от плинтуса до дверной ручки, общаться с людьми, готовыми лопнуть от завышенной самооценки. Все эти клубы, показы и презентации Лида тихо ненавидела, но больше нигде ей не могли предложить подобную зарплату. По долгу службы Лида обогатила гардероб несколькими дизайнерскими вещами на выход.

Лида зашла в комнату, которую делила с двумя коллегами, скинула плащ и поспешила в конференц-зал на планерку. К счастью, шеф опаздывала, и Лида незаметно просочилась в дальний конец стола.

– Привет, – шепнула она Кате Родионовой, ответственной за колонку красоты.

Та кивнула, но ответить не успела, потому что в зал стремительно зашла Элла Дмитриевна, главный редактор.

Стремительность была едва ли не главной чертой Эллы Дмитриевны Казаковой. Стремительность вкупе с роскошью, язвительностью и легкой надменностью.

– С понедельником, – сухо бросила Элла Дмитриевна и улыбнулась самой далекой от доброжелательности улыбкой. На стол звонко шлепнулась стопка папок.

– Итак, что у нас по этому выпуску, – шеф пробежалась взглядом поверх очков по сотрудникам. – Все здесь? Прекрасно. Обзор театральных премьер есть, светская колонка есть... Так, по светской колонке у меня вопросы. Кузнецова?

– Да, – Олеся вяло подняла руку, предчувствуя публичную порку.

– По тексту интервью у меня вопросов нет. Но мне звонил менеджер Зимицкого. Знаешь, что мне сказали?

Олеся покачала головой.

– Что это было последнее интервью нашему изданию, если мы не сменим корреспондента. И знаешь, почему? Потому что ты *попросила автограф*. Молчи! – предупредительно процедила Казакова, увидев, что Олеся собирается что-то сказать. – Лучше молчи. Я не один раз объясняла всем сотрудникам, что мы – солидное издание. Мы не желтая газетенка. У нас должны работать профессионалы, которые могут держать себя в руках. Я понимаю, что Зимицкий – роскошный мужчина, и каждой в этом зале хочется повизжать от восторга при его виде. Автограф просят фанатки. Девочки на улице за ограждениями. Подростки. Но, друзья мои, Кузнецова не думала о том, сколько ей лет и где она работает. Она предложила Зимицкому расписаться где?... Ну-ну, смелее, ваши версии, господа! Нет вариантов? Я скажу вам. *В зоне декольте*.

Кто-то фыркнул, с трудом сдерживая смех. Олеся Кузнецова опустила глаза.

– Смешно, да? Прекрасно, – протянула Элла Дмитриевна. – В ближайшие полгода Кузнецова будет писать обзоры книжных новинок. В связи с этим у нас вопрос по следующему выпуску: кто будет брать интервью для светской колонки. Работа ответственная, потому что в Москву с премьерным показом фильма приезжает Андерс Норберг.

В зале раздалось несколько восторженных вздохов. Вздыхала в том числе и Катя Родионова.

– Кто это? – шепнула Кате Лида.

– У Стрельниковой есть дела поважнее? – Элла Дмитриевна впиалась взглядом в Лиду.

– Нет, шеф.

– Может, поделишься со всеми своими соображениями?

– Лида спрашивала, кто такой Норберг, – выдала Родионова прежде, чем Лида успела открыть рот.

– Кто такой? Прекрасно. Сразу видно работника светского издания. – Верхняя губа Казаковой дернулась вверх, словно кто-то потянул ее за невидимую ниточку. – А хотя... это то, что нужно. Стрельникова у нас из иняза, есть несколько хороших обзоров по Европе, выпускать не стыдно. А то, что ты не знаешь Норберга – к лучшему. Он твой. Передайте, – Казакова выудила файл с распечатками и звонко отправила его на стол.

Лида подождала, пока файл дойдет до нее и взглянула на данные по интервью.

– Плюс с тобой идет Марков, – Элла Дмитриевна бросила взгляд на штатного фотографа, – но на пару снимков, не больше. И Лида, будь добра, подготовься тщательно и за несколько дней загляни утвердить список вопросов. Ферштейн?

Лида кивнула.

– Гут. Теперь что касается ресторанного обзора...

Лида смотрела в распечатку, с трудом переваривая происходящее. Ей надо взять интервью. И не у кого-нибудь, а у звезды. Народ среагировал бурно, значит дело нешуточное. И теперь Олеся ее возненавидит, ведь звезды – ее территория...

Лида с трудом дождалась конца совещания, чтобы добежать до компьютера и узнать, чем ей предстояло заняться. Кем, если точнее. Пальцы запрыгали по черным клавишам, финальный клик – и на экране появились фотографии и ссылки.

На Лиду смотрело улыбающееся, чуть тронутое загаром лицо. Высокий лоб, светло-русые волосы и удивительные лучистые глаза. Если мужчине положено быть чуть красивее обезьяны, то этот экземпляр оставил позади не только приматов, но и многих лучших образцов рода человеческого. Лида вздохнула. Настоящий голливудский красавчик. За такого Олеся ее убьет в темном переулке. Лида достала широкий перекидной блокнот и стала делать выписки из данных всемирной сети.

Чем больше она читала, тем глубже проникалась личностью Андерса Норберга. Родом из Швеции, он вырос в большой и дружной семье. Три брата и сестра. Мама – врач, отец – актер. В детстве играл в театре и кино, но в восемнадцать лет все бросил и ушел на флот.

После службы снова вернулся к актерскому мастерству, закончил школу искусств в Лондоне. Снимался в Швеции, уехал в Штаты. Получил роль в сериале про вампиров для старшей возрастной категории, благодаря чему прославился. Лида открывала новые и новые страницы с интервью и не могла поверить глазам. Благотворительная экспедиция на Южный Полюс... Он идеален! И холост. Как может человек быть кинозвездой, отслужить на флоте и иметь такое образование? Любимый писатель? Набоков! Серьезно?..

– Ну что, выяснила, кто такой Андерс Норберг? – над перегородкой, отделяющей рабочее место Лиды, возникла голова Родионовой.

– О, да, – кивнула Лида с чувством.

– Кто бы знал, что тебе так повезет!

– Я уже сама себе завидую.

– Есть пойдешь?

– Уже обед? И правда... Ах, да, я же печенки принесла... Сейчас!

Когда Лида зашла в небольшую комнату отдыха для сотрудников журнала, весь бомонд уже собрался за столом.

– Так-так, герой дня. Присаживайся, – Рита Вернер похлопала по свободному стулу.

Лида извлекла лоток с выпечкой из пакета и налила себе кружку кофе.

– С ума сойти, Норберг! – Олеся сокрушенно покачала головой. – И надо же было так облажаться с Зимичкиным.

– Да ладно, я уверена, шеф тебя скоро амнистирует.

– Казакова? – Олеся хмыкнула. – Ни в жизни. Прямо хоть новую работу ищи.

– Но у тебя такой опыт, – Лида попыталась как-то смягчить ситуацию. – Я вот даже не знаю, как подступиться к Норбергу.

– О, уж я бы подступилась, – выразительно сказала Олеся.

Девочки засмеялись.

– Мне еще надо посмотреть его фильмы.

– Ну, ты даешь! – Рита Вернер торопливо проглотила кусочек печенья и выставила вперед ладонь, призывая к тишине. – «Мертвая кровь» – это нечто. Так-то это чернушный сериал про вампиров. Кровь, секс, забористая ругань. Но! Во-первых, это не про вампиров, а про геев. Метафора, короче.

– В смысле? – переспросила Катя Родионова.

– В прямом. Я читала. Суть сериала в том, что вампиры раньше существовали скрыто, а теперь решили заявить о себе и борются за свои права. Один в один геи. Во-вторых, что не характерно для вампирского жанра, снято очень, ну просто очень-очень смачно. Не знаю, с чем сравнить...

– «Криминальное чтиво», – подсказала Олеся.

– Ну, наверное. Казалось бы, в каждой серии море крови и обнаженка на грани дозволенного. Но при этом такой драйв, такое обаяние и столько иронии! Смотрится на одном дыхании.

– Это пока не появится Норберг, – Олеся через стол пригнулась к Лиде. – Просто *нечто*!

– Подождите, подождите, народ, не портите ей кайф от просмотра! – воскликнула Катя.

– Да обычный он мужик...

До этого момента никто словно не видел в комнате фотографа Васю Маркова, теперь же несколько пар глаз ошарашено уставились на него.

– Ты обалдел, что ли? – первой подала голос Рита. – Он роскошен!

Вася пожал плечами.

– Почти два метра чистого обаяния!

– Два метра? – переспросила Лида.

– Ага. Он очень высокий. А какие мускулы... – Рита закатила глаза. – И чтобы все снимки с интервью были у меня на почте!

Два метра... Лида всю жизнь мучалась от комплексов, связанных с ростом. Ее дед входил в вагон метро, пригнувшись. Тренер по баскетболу. Сама она с детства играла в баскетбол, потому что ни на танцы, ни на гимнастику ее не брали. Все женственные виды спорта были созданы для крошечных миниатюрных девочек. Да что там виды спорта! Весь мир для них. Высокие каблуки, малюсенькие женские машинки, в которых Лида могла максимум достать коленями до подбородка. Что ни говори, рост 185 сантиметров для женщины – едва ли не приговор. Особенно если она выросла в суровых российских реалиях среди жестоких шуточек одноклассников. На всех фотографиях из средней школы Лидочку Стрельникову было видно издали. Вплоть до 10-го класса, пока мальчики хоть немного не вытянулись. Лида не могла себе позволить каблуки и готова была выйти замуж за первого встречного, на кого бы она смотрела хоть чуть-чуть снизу вверх. Даже теперь, когда комплексы детства были затолканы поглубже, Лида порой казалась самой себе состоящей из одних конечностей. Длинные руки, длинные пальцы, длинные ноги. И, – что уж скрывать, – длинные ступни 41-го размера. С возрастом тело ее оформилось, но ощущение собственной неуклюжести порой возвращалось, словно она опять слышала «Лида – дылда», и ей хотелось ссутулиться.

И вот ей предстояло брать интервью у красивого, талантливого, образованного мужчины ростом 2 метра, самого настоящего принца из ее девичьих снов. И это событие будет так мучительно сладко, так невыносимо прекрасно, потому что мелькнет в ее жизни парой часов и погаснет, чтобы навсегда остаться в воспоминаниях. А в реальности? В реальности ее ждет Виталик. Бойфренд. Высокий. Умный. Надежный. Как это говорится? Положительный. Тонкие холодные губы с влажными поцелуями. Тихое сопение сверху и ночная возня. Лида вздрогнула. Они не спали уже давно, месяца три прошло, как Виталик уехал в Питер на стажировку.

И Лида все это время лелеяла мысль о расставании. Конечно, нельзя разбрасываться такими людьми. Биологические часы, дети, семья, все такое. Дед уперся в своем намерении выдать Лиду замуж, пока не умер. Виталик – идеальный жених. Но Лида понимала, что это свинство – держать при себе человека без любви. Ладно она, она ведь могла и потерпеть, но Виталик... Он слишком хороший, чтобы быть нелюбимым.

Лида вздохнула, в очередной раз взглянула в лучистые глаза Андерса Норберга и выключила компьютер. Она должна поговорить с Виталиком. Сегодня же. По скайпу. И не потому, что Норберг. А потому что лучше всю жизнь помнить один яркий день и умереть старой кошачницей, чем вот так каждую ночь с его жесткими пальцами... Сегодня же.

ГЛАВА 2

– Дед, я дома! – крикнула Лида из коридора, стараясь пробиться сквозь неизменное «Эхо Москвы».

Александр Борисович Титов разменял девятый десяток, но силы политических убеждений не утратил. Поредели волосы, правое ухо почти перестало слышать, а пальцы и колени поразил артрит. И все же ярые оппозиционные взгляды и живой интерес к государственным делам не оставили Александра Борисовича.

Дитя сталинской эпохи и баскетболист советского ЦСКА, он стал увлекаться политикой уже после шестидесяти. Но зато вложил в это всю нерастрченную энергию спортсмена на пенсии. Его покойная жена, Зоя Павловна, ушедшая на тот свет в первый год нового тысячелетия, любила посмеиваться над супругом. Уже, мол, и стар стал, а все туда же. Но дед упорно рисовал плакаты, надевал серую фетровую шляпу, и с утра до вечера пропадал на митингах. Один раз ему случилось даже загреметь на 15 суток, но сей факт не только не убавил старческого энтузиазма, но и поддал боевого жару. С тех пор, «Эхо Москвы» выключалось только на ночь. Иногда Лиде казалось, что дед уснул или не слышит, и она пыталась потихоньку выключить орущий приемник, но тут же раздавалось «Сделай обратно!».

Часто бывает, что человек, успешный в карьере, получает от судьбы серьезные удары в чем-то другом. Так вышло и с Александром Борисовичем. Звезда советского баскетбола, чьи кубки не помещались на домашней стене славы, из-за автокатастрофы потерял молодую дочь и зятя, получив на руки трехлетнюю внучку Лидочку. Вместе с женой, Зоей Павловной, он воспитывал девочку, пока на супругу не обрушился рак легких. Лиде тогда только стукнуло четырнадцать, но они вместе с дедом до последнего несли вахту у больничной койки. В марте 2001 года бабушкины боли стали настолько сильными, что Александр Борисович перестал пускать внучку к жене.

– Тебе не надо этого видеть, – сказал он тогда.

В середине апреля бабушки не стало.

Александр Борисович и Лида остались одни. Дед до последнего работал учителем физкультуры, а Лиду забрал из баскетбольной секции и отправил учить иностранные языки.

– Меня не будет, сможешь заработать на хлеб с маслом. А лучше беги из этой страны.

Лида понимала, что пока хлеб с маслом нужно дать деду. Если хоть так можно было отблагодарить его за все. Она сидела за учебниками, как проклятая, до онемения повторяла за кассетой английские фразы, но все ж таки поступила в институт иностранных языков и получила международный сертификат.

Сразу после института она тыкалась в конторы переводчиков, но везде платили гроши, и тогда через однокурсника Лида устроилась корреспондентом в «Богему», где ее нередко отправляли в командировки, чтобы она могла писать в туристическую колонку. Денег хватало. Ей даже удалось накопить на подержанный фольксваген, на котором она каждую весну вывозила деда на дачу.

– Дедуль, смотри, что я купила, – Лида заглянула в дедову комнату. – Брауншвейгскую, твою любимую!

Александр Борисович кивнул и поднял вверх указательный палец.

– Подожди, там интервью с минфином.

– Чаю?

Дед снова кивнул, и Лида ретировалась на кухню, чтобы сделать пару бутербродов с ароматной сырокопченой колбасой. Дедушка почему-то очень любил, когда колбасу нарежали на тонкие, просвечивающие кружочки.

– Я ем хлеб с колбасой, а не колбасу с хлебом, – говаривал он.

С колбасой полагалось делать только белый хлеб, а с сыром – черный. И белый хлеб надо было нарезать исключительно по диагонали.

У деда был персональный граненый стакан в железном подстаканнике с гравировкой от ЦСКА. К стакану прилагалась чайная ложка, а сахар рафинад надо было давать на отдельном блюде, – его дед ел вприкуску.

Когда Лида появилась в комнате с подносом, дед убавил радио и указал на диван.

– Рассказывай.

Лида устало села и откинулась на мягкую спинку.

– Все как обычно.

– Посылают куда?

– Да нет, я ж только два месяца назад вернулась из Чехии. Теперь очередь Матвеевой, она летит на Шри-Ланку.

– Ясно, – дед пожевал и кивнул. – На море не тебе.

– Да брось. Все равно не дают времени покупаться. А в Чехии было здорово, погуляла по старому городу.

– В феврале. Красота, – дед усмехнулся. – В 63-м мы ездили в Чехословакию. В Брно. Игру уже не помню. Зато я привез тогда твоей матери туфельки. Красные, кожаные, с пряжками. Зоя сшила ей в красную клетку платье, и она ходила в школе на танцы. Самая модная

была. И косички с бантами, Зоя ей туго плела, а все равно кудряшки по всей голове торчали. Да. Это ты в мать белобрысая, только жалко, кудрей нет.

Лида вздохнула. Она слышала эту историю не первый раз. Она не помнила родителей, хотя по всей квартире висели мамины фотографии и только одна – с отцом, Михаилом Стрельниковым.

Бабушка часто рассказывала Лиде о ее маме, о своей Катеньке. Они были похожи: Зоя Павловна и Катя: обе маленькие, хрупкие, с большими голубыми глазами и тонким, изогнутым ртом. Только Катя смотрела со всех фотографий, счастливо улыбаясь. Вот она в садике, снежинка. Здесь на даче, в венке из одуванчиков. А это выпускной, нарядное платье. И институтский снимок, они ездили на картошку. У нее здесь модный в те годы начес. И, наконец, единственная фотография с папой: свадебная. Цветная. Мама в коротком платье и с маленькой фатой, а в руках – красные гвоздики. И глаза со стрелками. А у папы длинная битловская стрижка и усы. От папы Лиде достались карие глаза. Бабушка раньше думала, что и волосы у нее потемнеют в отца, но Лида на удивление осталась темноглазой и светловолосой.

В остальном Лида пошла в деда. Она вытягивалась и вытягивалась, потеряв всякую надежду остановиться. Длинные пальцы и прямой дедов нос.

– Титовская порода, – качала головой бабушка, которая едва дотягивала двенадцатилетней внучке до плеча.

Они смотрелись странно: высокий статный дед и крошечная бабушка. Дед даже в старости не сутулился, а бабушка с каждым годом гнулась ближе к земле.

– Мне поручили интервью, – Лида нарушила тишину.

– С кем?

– С кинозвездой.

Дед поморщился.

– Ну-ну.

Они еще помолчали.

– А что Виталик?

– В Питере Виталик.

– Замуж еще не позвал?

– Дед!

– А что? Он неплохой. Я помру скоро, ты хоть будешь при муже.

– Не говори так!

– Эка новость. Из команды только я жив еще да Андрюха Короленко. И как его...

– Мусурбеков.

– Да, Рашид. Надо позвонить ему, а то только в декабре говорили. Ах, да. Виталик. Хочешь, я с ним поговорю.

– Тут такое дело, дед. Я хочу с ним разойтись.

Александр Борисович хлопнул себя по ногам.

– Ты с ума что ли сошла?

– Почему?

– Вы два года уже наматываете сопли на кулак. Мы с Зоей встретились и через три месяца поженились. Я к ее родителям в Сергиев Посад ездил только раз и все. Ты когда собралась детей заводить?

– Дед, сейчас все после тридцати рожают и ничего.

– Ты считаешь, сколько я могу еще протянуть? А мне нужны гарантии.

– Ты ведь любил бабушку. А я Виталика – нет. Не хочу я так. Тошно, понимаешь?

Александр Борисович замолчал и посмотрел на фотографию жены. Она стояла на полке среди кубков и наград. В рамке с янтарем, которую дед еще в молодости привез из Риги.

– Смотри, Лидок. Смотри. Человеку одному плохо.

– Я не буду одна. У меня ты есть, – Лида погладила деда по плечу. – Ладно, пойду к себе. Мне по работе еще надо доделать.

Лида отнесла поднос на кухню, вымыла посуду и взяла себе бутылку йогурта из холодильника. Ее ждали «Мертвая кровь» и другие фильмы с Андерсом Норбергом. Но сначала – Виталик.

Лида уселась в кресло на колесиках, надела наушники с микрофоном и открыла скайп. Скайп был и в телефоне, но только на большом компьютере хорошо шли видеозвонки. Виталик был в сети, и через несколько гудков на экране появилось его лицо.

– Привет. Вот пять минут назад хотел тебе звонить, но ты была в оффлайне.

– Привет. Что нового?

– Ничего. Все по-старому. Думаю, через месяц приеду в Москву, можно было бы летом взять вместе пару недель и рвануть куда-нибудь. В Турцию или куда захочешь. Что скажешь?

– Слушай, Виталь... Такое дело...

Лида замолчала.

– Ау, ты здесь? – обеспокоенно спросил Виталик.

– Ага.

– Слава Богу, я уж думал, интернет залип. Тут со связью не очень.

– Виталь, я думаю, нам надо повременить.

– С чем? С отпуском? Хочешь, осенью возьмем.

– Я не про отпуск. Ты же знаешь, я с бабушкой буду на даче. Я про нас.

– Ты что, расстаться хочешь?

– Ну... вроде того.

– И почему так вдруг?

– Не знаю, что тебе ответить. Я думаю, что не особо подхожу тебе.

– Давай, я это как-нибудь сам решу.

– Дело во мне. Seriously.

– Что-то случилось? У тебя кто-то есть?

– Нет. Просто я... я не люблю тебя.

– И все?

– Этого достаточно.

– И за два года ты это только сейчас поняла?

– Нет. Просто... Я думала, что смогу. А я не могу.

Виталик затих.

– Ты тут? – на этот раз спросила Лида.

– Тут, – Виталик вздохнул. – Слушай, давай не будем рубить с плеча.

– А я думаю, что лучше на этом закончить. Прости меня, мне очень жаль, правда.

– Мне тоже. Но я для себя точки не ставлю. Мне надо еще подумать, и давай этот месяц отдохнем друг от друга, а потом я приеду, и мы поговорим.

– Я все обдумала, Виталь. Я серьезно.

– Смотри сама. Но мы еще поговорим. Пока.

Лида не успела ответить, как Виталик закрыл разговор. Она вздохнула. Может, она приняла неправильное решение. Но почему тогда ей вдруг стало легче?

Она повернула монитор к дивану, включила первую серию «Мертвой крови» и подложила под спину подушку.

Норберг появился на экране только в третьей серии, когда она уже устала ждать. Сам сериал ей понравился. Она не любила слащавое кино, здесь же вся подноготная, все низы выворачивались наружу. Глухая провинция, пьянчуги, захолустный бар. Мрачная действительность, на фоне которой появление вампиров выглядело вполне себе органично. Да и сами вампиры были показаны без излишнего лоска. Такие же, как другие жители маленького городка

в Луизиане. На экране разворачивалась загадочная череда убийств вокруг главной героини, когда, наконец, появился тысячелетний вампир, герой Андерса Норберга. Лида сразу поняла все восторги коллег. Если бы она видела Норберга таким до того, как Казакова объявила о его визите, она бы тоже сходилась с ума от счастья.

Когда Лида усилием воли заставила себя выключить компьютер, было около четырех часов утра. Она наспех умылась, заглянула к деду, убедившись, что тот мирно спит, и легла вздремнуть до работы.

Во сне ее преследовал вампирский образ Норберга с жестким взглядом, зачесанными назад волосами и роскошным телом. Мелькали картинки из сериала, откровенные и кровавые, и Лида, всю жизнь считавшая себя флегматичной, жарко металась, сбрасывая с себя тяжелое одеяло.

ГЛАВА 3

Фойе кинотеатра «Октябрь» было заполнено приглашенной публикой и прессой. Основные сеансы отменили, все было готово к презентации фильма «Морская атака». Через пятнадцать минут должны были открыть зал для премьерного показа и пресс-конференции, потом ожидался фуршет и ее персональное интервью с Норбергом. Но Вася Марков опаздывал. Они договорились встретиться еще двадцать минут назад у входа, но вот она здесь, а он якобы в пробке. Говорят, талантливому человеку все можно простить. Нельзя. Не все.

Лиду колотило. Она повторяла про себя вопросы, в сумочке лежал блокнот с подсказками. Все должно быть в порядке, Казакова одобрила. Лида взяла два диктофона, оба заряжала всю ночь. Чтобы никаких накладок. Но живот сводило судорогой.

Лида отлучилась в дамскую комнату, чтобы проверить внешний вид. Она выбрала черную рубашку с расстегнутым воротом и закатанными рукавами, широкий серый пояс и свободные прямые брюки. Волосы закрутила в круглый тугой пучок. И маленькие жемчужные сережки. По ее мнению, образ был в меру творческим, в меру строгим. Вполне в духе шведского минимализма. Макияж был еле заметным, и духов она капнула совсем чуть-чуть. Самых нейтральных. Элла Дмитриевна всегда говорила, что когда берешь интервью, нельзя, чтобы что-то в тебе могло раздражать. Минимум ярких цветов и сильных запахов.

Отряхнув несуществующие пылинки с брюк, Лида вышла в фойе. Там уже метался Марков.

– Где тебя носит? Я тебя давно жду. В зал уже запускают.

– Это ты меня давно ждешь? Ты опоздал на полчаса! Я только отошла в туалет.

– Ты, я, – какая разница. Иди, занимай места. Я буду ждать встречи гостей.

Вася поправил на плече ремень от сумки с фотоаппаратурой, подтолкнул Лиду к дверям, а сам пошел к щиту с логотипами кинокомпаний, на фоне которого снимали актеров и прочих звездных личностей.

Поток людей медленно затекал в зал. Лида нашла два места в четвертом ряду и села, положив сумочку на соседнее кресло. Первый ряд был освобожден для гостей. На сцене у экрана стояли столы с табличками. Лида увидела, что Андерс Норберг должен сидеть совсем недалеко от нее, почти напротив. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Пальцы дрожали, и она сцепила их замком на коленях.

Вскоре через боковую дверь стали заходить представители фильма. Андерс зашел, скользнул взглядом по залу и стал что-то говорить невысокому полному мужчине с бородой. Они прошли и сели на свои места в первом ряду. Пресс-конференция должна была начаться после премьерного показа. К Андерсу торопливо подбежала и села рядом девушка с бейджи-ком, судя по всему, переводчик. Лида посетовала про себя, что работает не по специальности.

Благодаря своему росту и удобному расположению кресел, Лида могла хорошо разглядеть Норберга со спины. На нем тоже была черная рубашка, как и на ней. Он немного нагнулся к соседу, и Лида увидела, как на крепкой спине между лопатками натянулась ткань. Лида занервничала еще больше, но акт ее любования прекрасным был прерван фотографом Васей.

– Подбери, пожалуйста, – он кивнул на ее сумочку.

– Да, сейчас, – Лида освободила кресло.

Марков плюхнулся рядом с ней и отдышался.

– Неплохо вышло. Хотя какой-то придурок постоянно толкал под руку.

И Вася выплюнул слово, которое лучше опустить.

– Марков, уймись.

– Есть, мэм.

– Норберга снял?

– Главным образом его и снял.

– Все снимки мне на почту.

– В очередь, Стрельникова, в очередь. Все наши бабы уже на него записались.

– Им не придется краснеть и заикаться перед ним. Мне нужно поощрение.

– Да любая бы убила, чтобы краснеть вместо тебя. И как вообще так вышло?

– Что?

– Что тебя на интервью послали. Ты же ведь вообще по туризму, у тебя было одно интервью, да и то не пойми с кем.

– С представителем сети Мариотт, если что.

– Ну не со звездой же. Как Казакову угораздило тебя отправить? Облажаешься, – и я попаду под раздачу вслед за тобой.

– С Олесей же не попал.

– С Олесей ездил Щуков.

– Один хрен, ему не было ничего.

– И все равно. Я не понимаю. Никогда новеньких не отправляли на импортных селебритис. Сначала обкатывают на наших, отечественных.

– Значит, я – исключение, – Лида пожала плечами. Свет стал гаснуть, и представитель прокатной компании объявил начало премьерного показа.

Фильм оказался довольно типичным блокбастером про нападение роботов-убийц со дна моря и героическое сопротивление со стороны американского флота. Норберг играл лейтенанта, который погибает незадолго до конца, жертвуя собой во имя родины. Лида не любила подобную киножвачку. Фильм вызывал скорее недоумение: такой начитанный, образованный Норберг, сыгравший в дюжине некоммерческих шведских фильмов, работавший с самими Ларсом фон Триером, да даже в «Мертвой крови», жесткой, но свежей и новаторской, вдруг появляется в явно второсортном экшне про роботов. В фильме Норберг выглядел как типичный американский солдат. Ни тени шведского акцента, ни доли европейского шарма.

Конечно, момент гибели Норберга-лейтенанта вызвал у Лиды некоторые эмоции, ей даже захотелось прослезиться, но фильм это не спасло.

– Класс, – выдохнул Вася, когда пошли титры.

– А?

– Зачет, говорю. Спецэффекты, роботы... Ништячок.

– Да уж.

Свет в зале зажегся, раздались аплодисменты, и гости вышли на сцену, чтобы занять места за длинным столом. Защелкали камеры, Вася тоже расчехлился и ушел в работу.

Лиде не было поручено задавать вопросы во время пресс-конференции. Выход нового фильма не интересовал «Богему», важнее было интервью с персоной. Поэтому Лида стала изучать Норберга, его настроение, манеру отвечать на вопросы, чтобы определиться с тактикой.

Расположить его к себе потом на интервью. В его ответах про «Морскую атаку» было что-то натянутое. Заученное. Возможно, он и сам был не в восторге от фильма. Зачем тогда взялся? Стоит спрашивать или это только вызовет отторжение? Или он все равно не сможет сказать ничего плохого, чтобы не омрачать рекламную кампанию?

Мысли Лиды все время перескакивали с рабочих моментов в мечтательные сферы. Она с упоением слушала его голос, любовалась улыбкой и веселым прищуром. Пока режиссер отвечал на вопрос корреспондента, сидящего перед Лидой, Норберг случайно встретился с ней глазами, и взгляд его на долю секунды задержался. От неловкости и смущения она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Но раздался новый вопрос из зала, Норберг посмотрел в другую сторону, а Лиде оставалось слушать гулкий стук собственного пульса.

– Давай, сейчас надо идти брать интервью, – Вася ткнул ее локтем, когда пресс-конференция закончилась.

– Разве не после фуршета?

– Сначала интервью. Я позвоню менеджеру принимающей стороны, спрошу, где нам выделили помещение. Скину тебе на телефон. Я пока протестирую освещение, а ты вылавливай его и води.

– Как, одна?

– А с кем?

– Мы вместе. Я вообще думала, ему будет назначено, и он сам придет.

– Ничего, что он домой к тебе не придет?

– Забей. Позвони хотя бы менеджеру при мне, а то я его выловлю, а куда вести – непонятно.

– Ладно.

Вася положил на кресло громоздкую сумку и достал мобильный.

– Добрый день, Марков из «Богемы». По поводу интервью с Норбергом. Да, договаривались, – Вася закивал. – Хорошо. Понял. Всего доброго.

– Интервью будет в том конце фойе, где гардероб. Там небольшой конференц-зал, двойные двери. Номер 2b. Запомнишь?

Лида кивнула.

– Все, жду тебя там. Вас обоих. И соберись, на тебя смотреть страшно.

Лида снова кивнула. Ей даже не приходило на ум, чем парировать этот сомнительный комплимент.

Вася подхватил сумку и ретировался к выходу, стремительно лавируя в толпе. Ему не привыкать. Лида разгладила ладонями брюки. Андерс Норберг стоял у самого спуска со сцены и разговаривал с двумя мужчинами в костюмах. Его рукава были закатаны по локоть и обнажали жилистые, покрытые загаром руки. Лида осознала, что оделась так же, как Норберг. Она недооценила силу шведского минимализма. Эта мысль показалась ей забавной.

Наконец, Норберг окончил беседу и, спустившись со сцены, заметил Лиду.

– Добрый день, мистер Норберг, меня зовут Лидия Стрельникова, я из журнала «Богема». Вы смогли бы ответить на пару вопросов?¹

– Рад познакомиться, – Норберг улыбнулся и протянул ей руку. – Я с удовольствием отвечу на все вопросы, меня предупредили о Вас.

Лида коротко пожала его горячую ладонь.

– Нам выделили конференц-зал для интервью. Если это удобно, мы можем туда пойти прямо сейчас.

– Хорошо. Одну минутку.

Норберг перекинулся парой слов с режиссером и вернулся к Лиде.

¹ Здесь и далее все разговоры с участием иностранцев по умолчанию ведутся на английском языке (Прим. автора)

– Пойдем?

Она кивнула и пошла к выходу из зала.

– Андерс! Андерс! Можно автограф?

К нему кинулось несколько девушек с фотографиями и ручками.

Норберг остановился и терпеливо расписался для каждой из них. В этом не было ни раздражительности, ни самолюбования. Скорее доброжелательность. И он совершенно не обращал внимания на кокетство и сексуальные намеки в свою сторону. Лида понимала, что несколько девушек в России – ничто по сравнению с толпами фанаток в Америке. Нелегко, пожалуй, справляться с постоянными приставаниями посторонних людей.

Наконец, Норберг освободился и подошел к Лиде.

– Извините.

– Я понимаю, – Лида улыбнулась и пошла через фойе к конференц-залу.

Вася уже поставил кресло для Норберга поближе к окну. Лида устроилась напротив, разложила диктофоны и блокнот.

– Для нас большая честь, что Вы согласились дать эксклюзивное интервью «Богеме», – Лида улыбнулась.

– Рад это слышать.

– Андерс, Вы приехали в Москву с фильмом «Морская атака». Что для Вас значит этот фильм?

– Мне было интересно попробовать себя в таком масштабном проекте. Он совсем не похож на все, что я делал раньше. Мне довелось стать частью команды Стива Макбрайда, это был очень ценный опыт. К тому же было здорово поработать с такими спецэффектами, когда съемки проводятся в полупустом помещении, и ты должен сам представлять себе, что происходит вокруг. Например, в сценах с нападением роботов или штормом.

– Вы год служили во флоте Швеции. Вам это помогло в работе над фильмом?

– Конечно. Честно говоря, отчасти поэтому я и захотел сняться в нем. Я люблю море, и защита родной страны для меня – не пустой звук, как бы пафосно это ни звучало. Я никогда не буду жалеть о своей службе. В этом есть что-то мужское и правильное.

– Но Вы вернулись к актерской работе?

– Мне ее не хватало. Я творческий человек. Пожалуй, мне стоило сделать перерыв, уйти из театра и кино, чтобы все обдумать и понять, чем я действительно хочу заниматься. В тринадцать лет популярность давалась мне тяжело, я не понимал, зачем все эти девчонки торчат около моего дома. На меня давило всеобщее внимание. Я хотел просто бегать и играть с друзьями в футбол.

– А как Вы справляетесь с популярностью сейчас?

– Не стану врать, мне льстит, что люди считают меня привлекательным или талантливым. Я им за это благодарен. Но мы, шведы, скромный народ. И я неловко чувствую себя, когда получаю недвусмысленные предложения от фанаток.

Через некоторое время, когда интервью подошло к концу, Вася еще пару раз щелкнул фотоаппаратом и поблагодарил Норберга.

– Лида, мне бежать надо, – обратился он к ней по-русски. – Я закончил.

– Давай, Марков. Но снимки мне на почту. – Лида снова перешла на английский. – Мой коллега спешит. В любом случае, мы очень благодарны Вам за интервью. Я бы попросила автограф, но наш шеф говорит, что это непрофессионально.

– Я никому не скажу. Это будет наш маленький секрет, – Норберг улыбнулся, и около его глаз появились задорные морщинки. – Я еще увижу Вас на банкете?

– Не знаю, – Лида кивнула Маркову, и тот исчез за дверью. – Если честно, я собиралась, но подобные мероприятия... В общем, я бы предпочла прогуляться на свежем воздухе.

– Вы первый журналист, который добровольно хочет пропустить фуршет.

– Можно доверить Вам еще один секрет? Я не совсем журналист. Я переводчик. Просто сейчас работаю в журнале.

– Так вот почему с Вами было так комфортно, – на лице у него было то ли облегчение, то ли понимание.

– Не любите журналистов?

– А это не для печати?

– Только для личного пользования.

– Не очень. Конечно, теперь общение с прессой – часть моей работы, но журналисты все время пытаются вытащить наружу мою личную жизнь. Папарацци в Лос-Анджелесе – настоящий ужас.

– Я думала, звезды любят попадать на первые страницы газет. Это что-то вроде эксгибиционизма, простите мою грубость. Разумеется, к Вам это не относится.

– Есть такие звезды. Но у меня нет мании величия, я все-таки швед. Я не из тех, кто любит демонстрировать свою жизнь публике. Не поверите, у меня даже нет твиттера и инстаграма.

– У меня тоже, – Лида кивнула. – Если я когда-нибудь начну делать селфи, то сильно разочарую сама себя.

Норберг расхохотался.

– Вы – первая девушка, которая не делает селфи.

– Может, я шведка, просто не знаю об этом?

– Ну, одеваетесь Вы, как я, так что может быть. Лидия, у меня есть к Вам просьба.

Вы хорошо знаете Москву?

– Да, я здесь выросла.

– Вы не могли бы взять меня на свою прогулку? Мне завтра улетать, а я никогда не был в Москве. С Вами я бы хоть немного увидел город.

Лида замерла. Происходящее казалось ей нереальным. Еще вчера Норберг был для нее недостижимой знаменитостью. Роскошным мужчиной, которых просто не бывает на самом деле. Образом с экрана. А теперь он не только сидит напротив нее, живой, настоящий, такой волнующий, но и просит ее прогуляться. Это чудеса какие-то!

– Лидия! – вернул ее из задумчивости голос Норберга. – Вам это неудобно? Я бы пригласил Вас на ужин после прогулки. В знак благодарности.

– Я пыталась осознать тот факт, что Андерс Норберг... В любом случае, я согласна. И не ради ужина, – Лида улыбнулась.

– Отлично! – Норберг поднялся с кресла, и Лида тоже встала. – Тогда подождите меня в машине кинокомпании, она припаркована у входа. Номер 328. Просто скажите водителю, что Вы мой переводчик.

– Я понимаю. Конспирация.

– Я быстро, – Андерс коротко коснулся к ее руке и вышел.

Лида сжала руку, чтобы унять дрожь. Она знала, что с Норбергом ей ничего не светит. Он улетит завтра и вряд ли снова вернется в Россию. Но никогда раньше она не испытывала таких сильных чувств к мужчине: смеси восхищения, волнения и желания. Пусть всего один день, но она позволит его себе.

ГЛАВА 4

Норберг сел рядом с ней на заднее сиденье, когда она уже подумывала сбежать.

– Извините, что так долго.

– Все в порядке, – Лида бодро распрямила плечи. – Итак, что бы Вы хотели посмотреть в Москве? Красную площадь? Кремль?

– Лидия, расслабьтесь. Вы очень волнуетесь. Мне не нужна обычная экскурсия. Я даже не буду спрашивать, в каком году построен тот или иной дом. Давайте просто погуляем по Вашим любимым местам. Сегодня Вы командуете.

– Хорошо. Как долго Вы планировали гулять?

– У меня нет планов. А ходить я могу очень долго, если Вы об этом.

Лидия на мгновение задумалась.

– Отвезите нас на Лубянку, пожалуйста, – сказала она водителю. И снова повернулась к Норбергу. – Если устанете, просите пощады. Я в любой момент доставлю Вас в отель в целости и сохранности.

– Мы еще посмотрим, кто устанет первым, – Андерс улыбнулся ей, и внутри у нее сладко заняло.

Он был слишком близко, их бедра соприкасались, и ее ноздри против воли расширились, втягивая свежий, едва уловимый запах его парфюма. Ей хотелось уткнуться носом в его ключицу и вдыхать, вдыхать, что есть мочи. Хотелось всеми пальцами вцепиться в его плечи, чтобы не упасть. Падать было некуда, но ее не покидало ощущение, что она вот-вот рухнет. Ноги были ватными. Лидия изобразила ответную улыбку и повернулась к окну, чтобы взять себя в руки.

Она провела его по Кузнецкому мосту, по Камергерскому переулку, Тверской улице и бульвару, показала свой любимый особнячок Горького у Никитских ворот. От ходьбы и апрельского воздуха Лида почти забыла о своем волнении. Андерс оказался очень простым в общении, веселым и дружелюбным. В своей джинсовой куртке и бейсболке, надетой для конспирации, Андерс совершенно не походил на кинозвезду. Он попросил ее научить его паре фраз на русском языке. Выяснилось, что он владеет французским, итальянским и немецким языками, и даже знает несколько слов на японском. Лида взамен просила научить ее шведскому и рассказать о Стокгольме.

– Старый город очень красивый, – мечтательно рассказывал Андерс. В рыжем свете фонарей сложно было разглядеть выражение его лица. – Там есть старые ратуши XII-XIII века, узкие уютные улицы. Но я больше всего люблю остров Сёдермальм. Я там вырос. Знаешь, у многих шведов есть лодки. Там вода повсюду.

Лида слушала и тоже мечтала. В Скандинавии ей бывать не доводилось, но она уже представляла себе, как попросит шефа отправить ее туда. И тогда она обязательно посмотрит все места, о которых говорил Андерс.

– В детстве я обожала Астрид Линдгрэн, – сказала она. – И сейчас обожаю. Хотя это глупо звучит. Очень хочется иногда перечитать Карлсона, Эмиля, Пеппи... – Лида запнулась, пытаясь сообразить, как будет «длинный чулок».

– Pippi Långstrump? – спросил Андерс. – Она Pippi, не Perri.

– Я где-то читала об этом. Так ее перевели на русский. Чтобы не звучало смешно.

– Она и должна быть смешной. А я любил Калле Блумквиста.

– И Мио!

– И Расмус!

Лида рассмеялась.

– Я их всех так люблю, что даже не знаю, кого больше. А ты что читал в детстве?

– Я тебе расскажу все, – Андерс остановился. – Но уже за ужином.

– Значит, ты первый сдаешься?

– Сдаюсь. У тебя ноги сильнее, – губы Андерса растянулись в улыбке, а глаза скрывала тень от бейсболки. – Так что насчет ужина? Куда пойдем?

– Слушай, это необязательно, – они стояли друг напротив друга на пустынном бульваре, и волнение снова охватило Лиду.

– Это обязательно. Я с утра ничего не ел.

- Просто я не знаю здесь ресторанов твоего уровня.
- По-твоему, я питаюсь только устрицами?
- Не знаю. Может, иногда еще этими... – Лида забыла слово и показала в воздухе завиток.
- Улитками?
- Точно! Улитками. Для разнообразия.

Андерс засмеялся.

– Ты все время меня смешишь. Ладно, пошли куда-нибудь, я сам решу, – он взял ее за руку и потащил к переходу от бульвара к зданиям. Тут же у перехода была витрина маленькой французской пекарни с оранжевой вывеской. Кто-то вышел, и изнутри пахло кофе и корицей.

- Как думаешь, это кафе моего уровня? – спросил Андерс с серьезным видом.
- Надо узнать, есть ли у них улитки, – деловито ответила Лида.

Они рассмеялись, и Андерс потянул ее за собой. Внутри почти никого не было, только лысеющий мужчина у стены читал газету. Они выбрали столик в углу.

– Что тебе заказать? – спросила Лида у Андерса, потому что все названия в меню были на русском.

– Я буду большой багет с сыром, мясом и всем, что у них есть. И кофе. С сахаром. И вот это пирожное.

Лида потянула его за рукав и шепнула на ухо:

- А что будет с твоим вампиром после такого ужина? Я думала, звезды едят только салат.
- Укушу – узнаешь, – пошутил Андерс.

Они встретились глазами, и смех замер у нее на губах. Она вдруг поняла, что ее шепот мог показаться ему флиртом. И в голове живо пронеслись картинки, как он ее кусает, благо после просмотра сериала в сексуальных образах Андерса Норберга у нее недостатка не было. Лида осознала, что все еще держит его за рукав, и отдернула руку. Андерс тоже казался смущенным.

– Ладно, я буду то же самое, – бодро сказала она и подозвала официантку.

Багет оказался горячим и хрустящим, на нем таяли ломтики эмменталю, дополненные карбонадом, тонкими кружочками помидоров и маринованных огурцов. Андерс с явным наслаждением вгрызлся в багет. Лида наблюдала за ним.

– Сегодня обойдусь без устриц, – сказал Андерс, вытирая рот салфеткой и откидываясь на спинку стула.

- В каком отеле ты остановился? – спросила Лида.
- В Lotte Plaza. Вот, у меня визитка. Это далеко?
- Арбат? Пешком около получаса. Я могу вызвать тебе такси из отеля, у них есть телефон.
- Ты спешишь? – спросил Андерс и дотронулся до ее руки.
- Нет, – просто ответила Лида.
- Может, пойдем пешком? Я должен быть в хорошей форме после багета, – он положил ладонь себе на живот.

– Я смотрела твои фильмы, – вздохнула Лида. – Ты в идеальной форме.

– Тебе нравится? – спросил Андерс и лукаво подмигнул.

– Я думаю, тебе самому нравится, – засмеялась Лида.

– Это правда. Попроси счет, пожалуйста. Они принимают карты?

Лида переадресовала вопрос официантке.

– Обычно принимаем, – виновато пожала плечами та. – Но аппарат сегодня сломался, поэтому только наличные.

Лида перевела Андерсу. Он растерялся, объясняя, что даже не менял денег в России.

– Я заплачу, – сказала Лида и достала бумажник.

– Слушай, я чувствую себя глупо, – сказал Андерс, когда они вышли из кафе. – Ты теперь будешь думать, что шведы жадные.

– Именно это я и буду всем говорить. И еще я буду всем рассказывать, что угостила ужином самого Андерса Норберга. И в жизни он не такой высокий и красивый.

– Эй! Это обидно!

– Не волнуйся, мне все равно никто не поверит. Я ужинала с Андерсом Норбергом! – Лида покачала головой. – Видишь? Я сама не верю.

– Потому что это был не ужин, а фастфуд. Запомни, я должен тебе настоящий ужин. С улитками и устрицами. В ресторане твоего уровня.

– Брось, мы оба знаем, что больше не увидимся.

– Наверное. Но я бы хотел снова тебя увидеть. Ты красивая.

– Спасибо.

Некоторое время они шли молча.

– У тебя есть парень? – вдруг спросил Андерс.

– Уже нет. А у тебя?

– У меня нет парня, – улыбнулся Андерс.

– Я спрашиваю про девушку.

– Нет. Но ты бы знала, если бы у меня была девушка. Все бы знали.

Они снова замолчали. Между ними появилась какая-то неловкость или недосказанность. Он сводил ее с ума. Лида готова была взорваться от каждого его случайного касания, но не хотела выглядеть глупо. Она не знала, что чувствует он, флиртует он, или это его манера общения. К тому же она не хотела, чтобы он считал ее фанаткой на одну ночь. У него таких вагон. Они остановились перед сияющим стеклом и металлом отелем.

– Я не из тех, кто заводит любовницу в каждом городе, – он как будто прочитал ее мысли.

– Рада слышать.

– И я никогда не спал с фанатками.

– Хорошо.

– Слушай, я не хочу, чтобы ты плохо обо мне думала. Но так неудобно вышло с ужином, я бы хотел пригласить тебя на вино и фрукты. В свой номер.

– Кто-то счел бы это неприличным предложением.

– А ты?

– Я бы, возможно, тоже сочла. Если бы речь шла о другом мужчине.

– Думаешь, я не стану к тебе приставать?

– Я не думаю, что меня это расстроит.

– Тогда пойдем.

Как это по-западному! Она только что фактически согласилась на секс с мужчиной, и никакой романтики. В фильмах героини сливаются в поцелуе, нетерпеливо заходят в спальню и сбрасывают друг с друга одежду. А они просто поговорили, и вот на онемевших от долгой прогулки и волнения ногах она идет за ним к лифту через роскошное фойе дорогой гостиницы. Недаром русских девушек считают проститутками.

Лида знала, что завтра будет себя корить. Но с того момента, как она увидела его лицо на мониторе, после первой ночи, наполненной эротическими видениями, Лида понимала, что ни за что не смогла бы ему отказать. Даже если бы не успела расстаться с Виталиком. Есть в жизни вещи, от которых мы не в силах отказаться.

Хромированные двери лифта бесшумно сошлись, и легкий толчок возвестил о начале движения. Они стояли наедине в зеркальном пространстве.

– Это совсем не в моих правилах, – сказал Андерс.

– И не в моих, – сказала Лида.

Двери раздвинулись, и он повел ее к своему номеру. Она зашла первой. Из просторной гостиной с диваном и столиком вели двери в ванную и в спальню. Лида взялась за пояс своего плаща.

– Я помогу, – Андерс подошел к ней сзади и стал развязывать ее пояс, так что она оказалась в кольце его рук.

Она чувствовала прикосновения к своему животу, и даже легкие касания через одежду вызвали в ней истому. Андерс перешел к пуговицам на плаще, и она откинулась на его грудь. Он взял ее за плечи и развернул лицом к себе. Она посмотрела в его лицо и с удовлетворением отметила расширенные зрачки и румянец, проступивший под загаром. Тогда она потянулась и легко коснулась его губ своими. Он отреагировал мгновенно. Андерс взял ее лицо в свои ладони и поцеловал с такой силой и жадностью, что Лида на секунду замерла от неожиданности. Его мягкие и горячие губы еще пахли кофе, а язык скользнул по ее нижней губе, ожидая ответа. И она ответила, возвращая его ласку. Впервые в жизни она испытывала такое удовольствие от поцелуя. Андерс гортанно застонал, не отрываясь от нее. Ей хотелось обмякнуть в его руках, и она вцепилась пальцами в его плечи, пытаясь удержаться. Под джинсовой тканью бугрились твердые округлые мускулы, и в ее голове снова всплыли сцены с обнаженным Андерсом. На сей раз застонала она.

Он прервал поцелуй и судорожно вздохнул. Потом пробормотал что-то по-шведски.

– А? – спросила она, открывая затуманенные глаза.

– Я говорю: что ты со мной делаешь?! – он опять перешел на английский.

Лида отступила на шаг и скинула плащ. Он последовал ее примеру и снял куртку.

– Я ведь честно хотел заказать вино и фрукты.

– Интересно, все шведские мужчины такие обманщики? – Лида улыбнулась и подняла руки, чтобы распустить волосы.

– Интересно, все русские женщины такие сексуальные? – взгляд Андерса остановился на ее груди, которая приподнялась от движения рук.

– Интересно, все шведские мужчины такие медлительные? – прошептала Лида и встряхнула головой, чтобы волосы рассыпались по плечам.

– Я не знаю, как другие, – Андерс подошел к ней, заморожено провел рукой по ее волосам, плечам, накрыл ладонью и сжал ее грудь через блузку. – Но на меня пока никто не жаловался.

Он опустил руки на ее ягодицы и с силой прижал к себе, так что она убедилась: с реакцией у него все в порядке.

Лида очнулась от короткого сна и не сразу поняла, где находится. Постепенно память вернулась, а с ней и осознание произошедшего. Лида повернула голову и увидела рядом с собой спящего Андерса Норберга. Она определенно была плохой девочкой. Но губы сами растянулись в блаженной улыбке.

Вино и фрукты он так и не заказал. Хотя компенсировал это по полной программе. Дважды. Если уж шведы и жадные, то не в вопросах секса, это Лида для себя уяснила. Нет, теперь она точно попросит командировку в Стокгольм. Лида снова улыбнулась своим хулиганским мыслям.

Ей не хотелось обременять Андерса неловкой сценой совместного пробуждения и неуклюжим утренним прощанием, поэтому она бесшумно вылезла из-под простыни и пошла в ванную. Прикрыв за собой дверь, Лида включила свет. Когда глаза привыкли, она придирчиво оглядела себя в зеркале. Волосы спутались, тушь потекла. Кажется, один раз она плакала от удовольствия. Губы покраснели и распухли, на теле остались следы его пальцев и поцелуев. Лида залезла в душ, чтобы как следует вымыться и привести себя в нужный вид. От нее прямо-таки разлило пороком. Облив себя напоследок холодной водой, Лида вышла, растерлась махровым полотенцем и пошла искать свою одежду. Норберг лежал на животе, распластавшись, как морская звезда, и изредка всхрапывал. Бедолага, думала Лида. Перелет, смена часовых поясов, пешая прогулка и постельные подвиги. Лида включила свет в гостиной, оделась, посушила в ванной волосы и снова вернулась в спальню. Она присела на краешек кровати и посмотрела

на спящего Андерса. Вот таким она его запомнит. В груди шевельнулся болезненный комок. Лида поборолла желание в последний раз прикоснуться к нему и вышла в гостиную, прикрыв за собой дверь. Она достала из сумочки блокнот, вырвала страницу и написала:

«Спасибо тебе за вечер.

Лидия»

Ей хотелось добавить что-то вроде «буду скучать» или «это было чудесно», но все слова казались пошлыми и неуместными. Лида положила записку на стол, окинула взглядом номер и вышла.

ГЛАВА 5

Как все приличные москвичи, на майские праздники Лида вывезла деда на дачу. Под его неусыпным контролем она стригла засохшие ветки, потом жгла их и, наконец, сгребала прошлогоднюю листву. Теперь же с мозолями на руках, болью в мышцах и довольным дедом на заднем сиденье Лида ехала домой. На приборной панели лежал маленький букет красных тюльпанов – традиционный урожай на День Победы.

Лида поставила диск с военными песнями и под «одессита Мишку» смотрела на дорогу.

– Ты задумчивая стала, – сказал Александр Борисович.

– Да нет, обычная. Все хорошо.

Все хорошо было только отчасти. А если уж совсем честно, то хорошо не было ничего. Норберг уехал почти три недели назад. О нем не было ни слуху, ни духу. Впрочем, так и планировалось. На сайтах папарацци Лида видела его свежие снимки из Нью-Йорка. Он ходил на выставку фотохудожников и пил пиво с друзьями. Она же с трудом могла спать по ночам, потому что видела его лицо, как только закрывала глаза. Она пересматривала снимки с интервью, которые выслал ей Вася Марков. На паре снимков она попала в кадр. Пожалуй, это было единственное доказательство, что тот день не был плодом ее больного воображения.

Текст интервью она сдала шефу, и ее при всех похвалили на пятиминутке. Все шло своим чередом. Только временами очень хотелось плакать. Наверное, приближались месячные.

От этой мысли Лида замерла и стала лихорадочно считать. Прошлый раз они начались третьего апреля, значит, в этот раз должны были прийти на первомай. Но уже десятое... Задержка. Получается, с Норбергом все случилось в самые опасные дни. Но ведь они предохранялись! Да нет, это совпадение. Стресс от интервью, дачные работы... Лида вцепилась в руль. Живот скрутило судорогой.

Она с трудом дождалась возвращения домой, занесла вещи и побежала в круглосуточную аптеку. Пока они ехали по пробкам, стемнело. Коробочка с тестом рекомендовала проводить проверку с утра, но Лида решила, что за несколько часов ничего не изменится. И уже через минуту на полоске проявились две яркие бордовые черточки. Лида устало опустила голову на руки и заплакала.

– Лида, что на ужин? – услышала она голос бабушки.

– Сейчас, подожди! – Лида умылась холодной водой, вытерла лицо и вышла к деду. – Сделать тебе омлет? Ничего серьезного я сейчас приготовить не успею.

– А манка есть?

– Есть. Ты же не ешь кашу на ужин!

– Что-то хочется. Свари, пожалуйста. И хлеба белого с маслом.

– Хорошо. Там повторение парада должно быть в десять часов после новостей.

– Точно! Чуть не забыл.

Парад на День Победы был единственным мероприятием, которое дед смотрел по центральному каналу. На остальные передачи распространялись его глубокие оппозиционные убеждения.

Вторую мировую войну Александр Борисович застал совсем мальчишкой, но ему довелось пройти Ленинградскую блокаду. Он помнил и голод, и холод, и трупы, и отчаяние. После снятия блокады мать вывезла деда и его маленькую сестру Нину в Москву к тетке. А их отец Борис Титов погиб во время бомбежки.

Вопреки расхожему стереотипу о стариках Александр Борисович не любил фильмы про войну. Слишком страшно было возвращаться в те годы даже мысленно. Только военные песни он любил, да еще парад на Красной площади. Плакал, правда. И доставал единственную фотографию своего отца.

Лида поставила молоко и задумалась. Было о чем. Аборт она бы не сделала ни за что. Слишком многих потеряла, чтобы знать ценность жизни. Конечно, дед расстроится. Он хотел ее выдать замуж. Но правнука полюбит. И будет точно уверен, что она не останется одна.

А ей теперь предстояло ухаживать и за старым, и за малым. Где взять денег на время декрета? Или кому оставить ребенка, если продолжать работать? Дед не потянет уход за грудничком. Лида вздохнула. И как так вышло? Ведь с Виталяком они тоже предохранялись, и все было нормально. Может, это все-таки гормональный сбой?

Молоко закипело, и Лида засыпала соль, сахар и крупу. Пока каша варилась, она достала телефон и забила в поиске «беременность с презервативом». Интернет сообщал, что такое случается. Почему тогда об этом не пишут прямо на упаковках крупными буквами?

Все чудесатее и чудесатее, думала Лида. А как сообщить Норбергу? Он имеет право знать. Но не поверит, что это от него. Или еще хуже: решит, что она все подстроила, чтобы вытянуть из него алименты. И даже если отбросить вопросы гордости, у нее не было никаких контактов Андерса. От социальных сетей он откrestился, а личные координаты звезд всегда хранились в строжайшей тайне. Наверняка, ее журнал связывался с ним через десяток-другой менеджеров.

Странно, но в этот раз Лида крепко спала всю ночь. Или два дня на свежем воздухе сказались, или организм сам решил дать ей отдыха. На работе Лида первым делом пошла к Олесе Кузнецовой. Та нутужно улыбнулась. Если до интервью с Норбергом она надеялась получить работу со звездами обратно, потому что Лида провалится, то триумф Стрельниковой забил последний гвоздь в мечты Олеси. Лида прекрасно понимала ситуацию, но теперь ей нужны были любые средства.

– Слушай, – сказала Лида, присаживаясь на краешек олесяного стола. – Ты не в курсе, откуда вообще Казакова берет контакты знаменитостей?

– А что за дело? – Кузнецова оживилась.

– Да просто. Меня дед спрашивал. Вот есть певец. И кто-то хочет с ним связаться. Ведь если мы можем, значит, любой может?

– Напрямую со звездами никогда не связываются, Стрельникова. Все через агентов. У Казаковой есть знакомства, связи, ее знают. Она обращается к продюсерам, а те выводят ее, куда надо. Иногда наоборот: менеджер или продюсер звезды сам обращается к нам, чтобы пропиарить своего клиента. Как-то так, – Олеся пожала плечами. – В любом случае, Казакова лучше знает.

– Ясно.

– Только не надо мне навешивать про деда. С кем ты собралась связаться? С Норбергом, что ли?

– А он мне зачем? – Лида изобразила недоумение. – Просто вникаю в тонкости. Вдруг опять интервью поручат.

– Ну-ну, – Кузнецова демонстративно отвернулась к монитору и застучала по клавиатуре. Лида пошла к шефу.

– Элла Дмитриевна, можно? – заглянула она в кабинет главного редактора.

Казакова качалась в белом кожаном кресле и беседовала по телефону. Увидев Лиду, она оживилась, и махнула рукой, приглашая подчиненную сесть.

– Стрельникова, ты мне как раз нужна, – сказала Элла Дмитриевна, положив последнюю модель айфона на стеклянный стол. – Через неделю Москву приезжает Билл Уинтерс. Знаешь, кто это?

– Один актеров основного состава «Мертвой крови».

– Точно. Будущей осенью выходит новый сезон, и после Норберга у нас как раз получается серия интервью по этому поводу. Мне надо, чтобы ты взялась за Уинтерса. Сможешь?

– Конечно.

– Отлично. Выделю тебе опять Маркова. Детали скину по почте.

– Элла Дмитриевна, а Вы не отсылали мое интервью менеджерам Норберга?

– Опять нарываешься на похвалу? Стрельникова, я этого не люблю.

– Что Вы, просто первое интервью, мне интересно, как его восприняли.

– Ладно, – Казакова с прищуром посмотрела на Лиду. – Во-первых, не менеджерам, а прокатчикам фильма. Во-вторых, отсылала, они пока не ответили. Ответ я тебе перешлю, если ты такая охочая до чужого мнения.

Лида вышла из кабинета. Как она сразу не подумала! У нее был ведь телефон секретаря из прокатной компании. Лида порылась в столе, достала старые распечатки и набрала номер.

– Приемная Зейдера, я Вас слушаю.

– Здравствуйте, я Алина Карпова, – соврала Лида. – Секретарь Эллы Казаковой из «Богемы». Мы отсылали Вам интервью с Андерсом Норбергом.

– Марк Робертович еще не смотрел, к сожалению.

– Я знаю. Дело в том, что Казакова захотела внести дополнения в интервью по поводу выхода нового сезона «Мертвой крови».

– Мы не имеем отношения к телевидению, мы принимали господина Норберга только по поводу «Морской атаки».

– Хорошо. Но, возможно, у Вас остались контакты менеджера господина Норберга?

– Я не вправе разглашать подобную информацию.

– Посмотрите хотя бы электронную почту! Пожалуйста! Ведь интервью с Норбергом уже было согласовано.

Девушка на другом конце провода вздохнула.

– Я посмотрю, что у меня есть, одну минуту.

Было слышно, как защелкали клавиши компьютера.

– Нашла. Кажется, он лично высылал нам данные для авиабилетов и брони в отеле. Записываете?

– Конечно, – Лида не верила своей удаче.

Она достала ручку и записала электронный адрес.

Лида поблагодарила секретаршу Марка Зейдера, исполнительного директора кинопрокатной компании, и повесила трубку. Оставалось только сочинить текст. Лида открыла новое письмо, и через полчаса нравственных терзаний у нее получилось следующее:

«Здравствуй, Андерс!

Это Лидия из Москвы (интервью, апрель этого года)

Извини, что пришлось снова побеспокоить тебя, но дело срочное.

Кажется, я беременна.

Я подумала, что ты должен об этом знать.

Что делать с этой информацией – твое личное дело. Я ни о чем не прошу и ничего не требую.

Если захочешь связаться со мной, ответь мне на почту или напиши в скайп li.mikh.strelnikova. Если не захочешь, я пойму и не обижусь.

*И я гарантирую, что не буду разглашать эту информацию ни прессе, ни кому-либо еще.
С наилучшими пожеланиями,
Лидия Стрельникова»*

Лида отправила письмо, надеясь, что оно не уйдет в спам и дойдет до Норберга. Других шансов с ним связаться у нее не было. Хотя на что она рассчитывала? Реакция будет наверняка негативной. В лучшем случае, он поможет деньгами, но наверняка при этом отнесется к ней как к предприимчивой стерве. Лида вздохнула и приступила к поискам информации о Билле Уинтерсе.

По пути домой Лида зашла в платный медицинский центр. Столько раз подходя к метро она читала зеленую вывеску про УЗИ, анализы и гинекологию, но зайти решила впервые. Прежде, чем говорить с дедом, она должна была убедиться, что все хорошо, чтобы не волновать старика лишний раз. Возможно, ей стоило убедиться до того, как отправлять письмо, но что сделано, то сделано, а с дедом надо разговаривать один раз и наверняка.

На ресепшн сидела восточных кровей дама с высоким пучком.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – с еле заметным акцентом протянула она.

– Мне нужно сделать УЗИ.

– УЗИ чего?

– Матки.

– Беременность есть?

– Вот это я бы и хотела узнать.

– Хорошо, – дама достала желтый бланк. – Диктуйте: фамилия, имя, отчество, дата рождения.

– Стрельникова Лидия Михайловна, 8 июня 1988 года.

– УЗИ будет стоить полторы тысячи рублей. Присаживайтесь, доктор Вас пригласит.

Дама грузно поднялась и направилась к одной из дверей, покачивая широким задом.

– Проходите! – раздался высокий голос, и Лида зашла в затемненный кабинет.

Минут через десять она снова оказалась в приемном, держа перед собой листок, исписанный размашистым почерком, и квадратный черный снимок.

– С Вас полторы тысячи, – сказала дама на ресепшн. – Давайте, поставлю печать. Если хотите, у нас есть программа ведения беременности с первого триместра. Вот, возьмите брошюру.

Лида машинально взяла брошюру, а перед глазами все стояли каракули узиста: *«В положении матки определяется одно плодное яйцо, сердцебиение +»*.

Дальше какие-то размеры в миллиметрах.

И в конце: *«Диагноз: одноплодная маточная беременность, срок 5 недель 3 дня»*.

А на черном снимке виднелась маленькая белая фасолинка.

По дороге домой Лида зашла в магазин и купила любимый дедушкин торт «Сказка» и бутылку кизлярского коньяка.

– Что отмечаем? – спросил дед, когда Лида поставила перед ним угощения.

– Сначала выпей.

Дед знакомым жестом опрокинул рюмку и одобрительно крякнул.

– Итак? – снова спросил он.

Лида села рядом и сцепила пальцы замком.

– Мы беременны, – сказала она.

Дед молча посмотрел на нее, вздохнул и опрокинул вторую рюмку.

– Виталик? – просто спросил он.

Лида покачала головой.

– А кто?

- Дед, мы не будем это обсуждать. Это мой выбор и мое решение.
- В мои годы в этом участвовали двое.
- Так случилось. Но все будет хорошо.
- А я заставил тебя стричь ветки! – дед покачал головой. – Хоть бы сказала.
- Я только узнала сама. Но представляешь, я сделала УЗИ, и у малыша уже бьется сердце.
- А какой срок?
- Месяц с небольшим.
- Так, – протянул дед и задумался. – Значит, рожает в начале января. Это плохо, в праздники можно попасть на пьяных врачей. Но ничего, я найду по знакомым, мы договоримся. А к лету можно будет вывезти ребенка на дачу.
- Конечно! – Лида увидела, что деда охватил знакомый ей деловой настрой, и испытала облегчение. Этот настрой всегда выручал их в трудных ситуациях: когда она видела дедушку таким увлеченным, ей и самой становилось спокойнее.
- Не так я себе это представлял, Лидок.
- Я тоже. Но ничего, у нас и так будет дружная семья. Видишь, у меня даже токсикоза нет, – улыбнулась Лида и погладила деда по руке.

ГЛАВА 6

С токсикозом Лида погорячилась. Уже на следующее утро она поняла, что не может готовить завтрак без отвращения. А через день встретила рассвет в обнимку с унитазом. С тех самых пор верными спутниками Лиды стали сушки. Единственная пища, которую желудок принимал без возмущения. На работу приходилось носить зубную пасту и щетку, чтобы ликвидировать последствия рвоты. К счастью, за неделю никто из коллег ничего не заметил. Лида не была готова отвечать на лишние вопросы.

Интервью с Биллом Уинтерсом назначили прямо в отеле. Актер не хотел тратить время на разъезды, поэтому «Богема» сняла люкс на сутки по соседству с номером Уинтерса. Удивительно, но британец не отличался пунктуальностью: Лида с фотографом Васей ждали его уже сорок минут. Она с трудом могла побороть приступы дурноты и постоянно вытирала со лба холодную испарину тыльной стороной ладони.

- Ты в норме? – спросил Марков.
- Кажется, траванулась, – Лида глотнула питьевой воды.
- Правильно, больше пей.
- Где его носит? – возмутилась Лида. – Неужели сложно дойти вовремя из соседнего номера?
- Сразу видно, ты не работала со звездами, – Вася пожал плечами. – Бывает, приходится ждать по полдня, а потом все переносить. Самое интересное, что чем ниже уровнем знаменитость, тем больше она себе позволяет.
- Это со всеми людьми работает. У гардеробщиц в музее гонор такой, как будто они сами написали половину картин.

Вася хотел ответить, но в дверь номера постучали. На пороге стоял Билл Уинтерс, обнажая в обаятельной улыбке выбеленные Голливудом зубы.

- Здравствуйте, мистер Уинтерс, я Лидия Стрельникова из журнала «Богема».
- Очень рад. Называйте меня просто Билл, – с британским акцентом ответил актер, и его улыбка стала еще шире.

Билл устроился у высокого окна с видом на Москву и занял небрежную, но выгодную для съемки позу. Вася защелкал камерой.

Из-за британского акцента и быстрой речи собеседника Лидия прилагала все усилия, чтобы разобрать смысл ответов. К счастью, у нее были с собой диктофоны. Серийный пер-

сонаж Уинтерса был вампиром американского происхождения, поэтому говорил иначе. А вот британский английский еще в институте вызывал у Лиды сложности с пониманием из-за обилия придыхательных звуков, интонаций и неровного ритмического рисунка.

К счастью, в свое время Лида училась очень упорно, поэтому интервью прошло удачно. Напоследок Вася сделал пару снимков Уинтерса в полный рост, и Билл с довольным видом отчалил.

У Лиды была мысль попробовать передать послание для Андерса через его коллегу, но это было бы как-то унизительно. Она прокручивала в голове разные варианты. У нее в кармане брюк лежала визитка со всеми контактами, и можно было просто передать ее Уинтерсу для Андерса. Но если Норберг не ответил на письмо за неделю, то вряд ли стоит ждать от него звонка. К тому же Вася ни на секунду не оставил ее с Биллом наедине, а позориться перед коллегой Лиде не хотелось. В любом случае, момент был упущен.

– Номер оплачен на сутки, – сказал Вася. – Не хочешь тут зависнуть? Все равно в офис можно уже не ехать.

– И что тут делать?

– Валяться на кровати, смотреть плазму, – ты видела, какая огромная? И там есть джакузи, кажется.

– Ты как хочешь, а я – домой.

– Ну да, хреново выглядишь.

В дверь постучали.

– Наверное, Уинтерс, я открою. Если что – пока, – Лида перекинула сумочку через плечо и распахнула дверь.

Но на пороге стоял Андерс Норберг. Лида от неожиданности сделала шаг назад.

– Привет, – сказал он, улыбнувшись одними губами. – Я вижу, ты решила порадовать весь каст «Мертвой крови».

Лида отступила еще на шаг, и взгляд Андерса остановился на Васе, который сидел на диване. Вася приветственно махнул рукой, и Норберг кивнул.

– Нам надо поговорить, – сказал Андерс Лиде.

Она попрощалась с Марковым и вышла в коридор, лихорадочно пытаясь осмыслить появление Норберга. Значит, он получил письмо? Но почему он тогда такой злой? Не хотел бы – не отвечал. И мог бы предупредить о приезде.

– Может, позавтракаем? – снова обратился к ней Андерс. – Ты так и будешь молчать?

– Я... – Лида прочистила горло. – Я не хочу есть.

– Тогда пойдем ко мне в номер.

Лида кивнула и пошла за ним. Ей крутило живот от страха и дурноты, когда она пыталась представить себе их разговор.

– Проходи, садись. – Андерс захлопнул за собой дверь и положил руку ей на плечо.

Лида вздрогнула.

– Успокойся, я не буду к тебе приставать, если не хочешь, – раздраженно сказал он. – Хотя я рассчитывал на другую реакцию.

Лида пересекла номер и села за столик у окна.

– Ты получил письмо? – сразу спросила она.

– Конечно. Подожди, я закажу завтрак и расскажу тебе про письмо, – Андерс поднял трубку внутреннего телефона и перечислил несколько блюд.

– Ты собираешься все это съесть? – удивленно спросила Лида.

– Нет, есть мы будем вместе.

– Но я не...

– Есть мы будем вместе, – с расстановкой повторил Норберг.

Лида молча кивнула.

– Итак, я расскажу тебе про письмо, – сказал Андерс, и она внутренне сжалась. – Я проснулся утром после прекрасного, удивительного секса с красивой девушкой и обнаружил, что я один. Я проверил в душе, в холле – ни единого следа. И тогда я увидел на столе письмо. Если этот листок бумаги можно назвать письмом. Я подумал: она ушла, потому что я сделал что-то не так. Но ведь я помню, что тебе нравилось.

– Я же написала: «Спасибо тебе за вечер»! – Лида поняла, что он говорит про записку. Значит, он не получал электронного письма?

– И это было очень вежливо. Неужели после такого секса нельзя было оставить хотя бы номер телефона?

– Я не хотела навязываться. Мы же обсуждали, что ты уедешь, и мы больше не увидимся!

– Но не после всего этого, – он махнул рукой в сторону спальни.

И хотя дело было в другом номере, Лида почувствовала, как горят щеки. Она прерывисто вздохнула.

– Ты помнишь, – удовлетворенно отметил он.

– Конечно, помню, за кого ты меня принимаешь!

– Я не знаю, за кого ты принимаешь меня, если просто ушла. Сначала я злился. Потом понял, что все время об этом думаю. Но у меня не было твоих контактов! Я даже фамилию твою не мог вспомнить, потому что она длинная и сложная.

– Стрельникова, – Лида улыбнулась.

– Ты так говоришь, как будто это просто! – он тоже улыбнулся. – Те, кто меня принимал, сказали, что у них нет твоих данных. И тогда я узнал, что Билл едет сюда на интервью для твоего журнала. И журналист – ты. Я хотел сделать тебе сюрприз, но потом увидел, как он выходит из номера довольный и снова разозлился. Решил, что...

Лида засмеялась. Он ревновал!

– Лидия! Я – швед. Это был мой годовой запас эмоций! – он улыбнулся и взял ее за руку, но раздался стук в дверь.

– Это завтрак. Но я не забыл, – добавил он, принимая заказ. – Я все еще должен тебе ужин.

Андерс поставил перед ней черный деревянный поднос. На одной из тарелок лежал горячий пышный омлет с сыром и салями. Желудок молниеносно сжался. Лида вскочила и метнулась в ванную, оттолкнув Андерса, и едва успела захлопнуть дверь, как опустилась коленями на кафель и судорожно вцепилась в унитаз. Когда болезненные спазмы отступили, Лида увидела перед собой черные ботинки и поняла, что зря не защелкнула замок.

– Уйди, – устало сказала она. – Ты не должен этого видеть.

– Ты больна! Мне показалось, что ты бледная, но теперь я точно знаю, что ты больна.

– Выйди, Андерс. Принеси мне сумочку, я приведу себя в порядок, и мы поговорим.

Пока он ходил, Лида встала, отряхнулась и плеснула в лицо холодной водой. Андерс протянул ей сумочку, и она достала зубную щетку. Он стоял за ней, прислонившись к стене, и смотрел через зеркало, как она чистит зубы.

– Это не первый раз, да? – наконец, спросил он.

Лида прополоскала рот, вытерла лицо и кивнула. Они вышли, и Андерс усадил ее на диван, подальше от еды.

– Ты была у врача?

Лида снова кивнула.

– Скажи что-нибудь! Чем ты больна?

– Я вполне здорова, – Лида вздохнула и решилась. – Для беременной женщины.

Андерс отшатнулся.

– Теперь я понимаю, почему ты сбежала. Надо было сказать мне. Ты говорила, что у тебя нет парня.

– Андерс, у меня нет парня. И тогда я еще не была беременна, – Лида выразительно посмотрела на него, наблюдая, как меняется выражение его лица.

– Ты хочешь сказать, что это мой...

– Других вариантов нет.

Андерс потер лоб пальцами и откинулся на спинку дивана.

– Ты уверена?

– В том, что жду ребенка? Да. Я делала ультразвук.

– Нет. Что ребенок мой?

– До тебя у меня не было секса три месяца. После тебя тоже не было.

– Я использовал презервативы!

– Слушай, я тоже в шоке. Но я не вру. Я читала в интернете, говорят, такое случается. Бывают микроскопические повреждения латекса или что-то похожее.

– Может, ты специально сделала это, пока я спал?

– И ушла, не оставив номер телефона?

– Или рассчитывала на известность в прессе?

– Андерс, это твое дело, веришь ты мне или нет. Я уже писала тебе в письме: я гарантирую, что оставлю это в секрете.

– В каком письме?

– А, ты же не получил его. Я узнала в компании, которая тебя приглашала, твой электронный адрес. У меня не было другой возможности связаться с тобой.

– Но я не переписывался с российскими партнерами! Всеми вопросами занимался мой менеджер. Подожди... – Андерс взял ее за руку. – Что ты написала и кому?

– Сейчас, – Лида достала телефон и открыла папку «Отправленные» в почтовом ящике. Она нашла нужное письмо и протянула Андерсу телефон.

– Да, это адрес моего менеджера, – подтвердил он, дочитав до конца. – И он мне ничего не сказал. Придется выяснить, почему. В любом случае, даже лучше, что я прилетел. Надо обсудить это лично.

– Тут нечего обсуждать, Андерс. Я не буду делать аборт.

– Кем ты меня считаешь? Я никогда не стал бы просить о таком. Если ребенок мой, – Андерс поднял ладонь, не давая ей возразить. – *Если* ребенок мой, я не собираюсь отказываться от него. Но мне нужны доказательства.

– Я понимаю, – Лида пожала плечами. – Ты меня не знаешь и не можешь доверять. Я сдам анализы, если нужно. И я могу подписать документ о том, что... забыла слово... о том, что никому не скажу.

– О неразглашении. Я рад, что ты сама предложила. Дай мне свой телефон.

– Зачем?

– Смотри, – сказал он, набирая цифры, – это мой телефон в Лос-Анджелесе. Это мой телефон в Швеции. А это мой скайп. Поняла?

Лида кивнула.

– А теперь дай мне свой номер и вообще все контакты, которые у тебя есть. И адрес, – Андерс наблюдал, как она пишет. – Я постараюсь связаться с юристом как можно быстрее.

– Что ты планируешь делать, когда все подтвердится? – спросила Лида.

– Я не знаю. Я должен все обдумать. Я не планировал детей, но это не значит, что я их не хочу. Я всегда хотел настоящую семью. А теперь все пошло не по плану. Мы должны вместе найти решение, которое устроит нас обоих.

– Я хочу, чтобы ты знал. Мне не нужны от тебя деньги или популярность. Меня все устраивает в моей жизни, – Лида очень надеялась, что он услышит ее и поверит. – Но я никогда не помешаю тебе видиться с ребенком. Я не планировала заводить детей сейчас, у меня есть другие заботы. Но так случилось. И что бы ни было между нами, ты будешь хорошим отцом.

– Слушай, я голоден, – Андерс, как ей показалось, поспешно отстранился от нее и встал. – Я бы поел.

– Конечно. Я пойду, – Лида тоже собралась встать.

– Нет, подожди. Ты плохо выглядишь, я хочу сам отвезти тебя домой.

– Ты не должен.

– Я хочу, – повторил Андерс. – Поешь что-нибудь?

– Есть хлеб?

– Вот, – Андерс принес ей корзинку со свежим хлебом.

Сам он сел за стол, а Лида жевала посыпанную кунжутом булку на диване, чтобы не рисковать. Теплый хлеб с хрустящей корочкой приятной тяжестью опустился в желудок, и Лида расслабилась. Ей вдруг стало очень спокойно от того, что неприятный разговор остался позади, а Андерс сидит рядом и пьет свой кофе.

– Можно, я прилягу? – спросила она. – Только на секунду, пока ты ешь.

– Конечно. Иди лучше в спальню, там удобно.

Лида прилегла на край кровати поверх одеяла и сама не заметила, как уснула. Сквозь сон она чувствовала, что он укрывает ее, но дремота сковала ее мягкими уютными цепями. Лида взяла его за руку и прошептала по-русски:

– Я так рада, что ты приехал... – и снова провалилась в забытие.

Когда Лида проснулась, уже наступили сумерки. Андерс лежал рядом с ней. Во сне она прижалась к нему, и теперь ей не хотелось разрушать хрупкую связь. Она смотрела, как вздымается его грудь, у основания шеи бьется пульс, как на подбородке пробивается щетина. На лбу, у самого основания волос, у него была небольшая родинка. Его руки от запястья до локтя были покрыты светлыми шелковистыми волосками, а ладони казались крепкими и надежными. В нем было что-то мужское и одновременно мальчишечье. Лида тихонько втянула в себя запах, ставший ей родным. Она понимала, что отношения между ними предельно усложнились. Что теперь они не могут себе позволить просто быть вместе, а потом в случае чего разбежаться. Ребенок требовал от нее терпения и сознательности. Но в это мгновение она могла беспрепятственно любоваться им и наслаждаться близостью. Андерс пошевелился и закинул на нее руку. Его кожа была разгоряченной от сна. Она чувствовала тепло через ткань блузки. По спине пробежали мурашки, в животе сладко заныло. Лида поняла, что не в силах предаваться сознательности, когда он рядом, и решила уйти.

– Останься, – хрипло прошептал он, когда она попыталась выбраться из-под его руки.

– Я думала, ты спишь, – тоже шепотом ответила она.

– Пожалуйста.

Она вернулась на место, и он прижал ее к себе, уткнувшись носом в волосы.

– Я столько раз думал об этом.

– Я тоже.

Его дыхание щекотало ее, вызывая трепет, обостряя ощущения. Ее голова лежала на его груди, и она слышала, как часто стучит сердце. Андерс сильнее обнял ее, и Лида почувствовала, как дернулась его плоть.

– Андерс, – простонала она.

Тело живо напомнило ей, как он бился внутри нее.

– Андерс, – Лида зажмурилась, пытаясь совладать с собой. – Пожалуйста.

– Скажи, чтобы я отпустил тебя. Скажи, если можешь.

– Андерс, – повторила Лида. – Я не могу.

Он оторвался от нее, чтобы поцеловать. Но она первая потянулась к нему, вложив в поцелуй всю тоску, которая мучила ее этот месяц, всю тоску от мысли, что он скоро уедет опять. В глазах защипало, и из-под ресниц побежала горячая дорожка. Он почувствовал соленую влагу

и отстранился, удивленно глядя на нее. А Лида сжалась в комок и заплакала. Андерс гладил ее по голове, пока она мочила, содрогаясь, его рубашку.

– Что случилось? – спросил он, когда слезные потоки стихли.

– Я не знаю, – прошептала Лида и шмыгнула носом. – Наверное, гормоны.

Одного напоминания о беременности хватило, чтобы Андерс напрягся. Он сел и взъерошил себе волосы.

– Мне не стоило начинать, – пробормотал он и добавил что-то по-шведски.

– Что? – спросила Лида.

– Вставай, я вызову такси и отвезу тебя домой.

ГЛАВА 7

Всю дорогу до дома они ехали молча.

– У третьего подъезда остановите, пожалуйста, – сказала Лида, когда в свете первых фонарей появился знакомый сталинский дом.

– Я хочу пойти с тобой, – неожиданно сказал Андерс.

– Зачем?

– Я мало о тебе знаю. Я хочу сам увидеть, в каких условиях ты живешь.

Лида пожала плечами.

– Как пожелаешь. Но я живу не одна.

– Родители? – спросил Андерс, захлопнув за собой желтую дверцу машины.

– Нет, – Лида поежилась от прохлады майского вечера. – Мои родители умерли, когда я была маленькой.

– Прости.

– Все нормально. Я их не помню.

Лида набрала код домофона и открыла пиликающую дверь. Лампа в подъезде опять мигала. Лиде было неудобно и стыдно перед Норбергом за окружающее убожество. Не так давно сталинские дома считались верхом роскоши, но время шло, и из могущественных гигантов они превратились в угрюмые устаревшие глыбы. В подъезде пахло сыростью, большие серые ступени от множества ног стали скользкими и покатыми. Но главным атавизмом оставался железный скрипучий лифт в сетчатом коробе. Он устало грохотнул, Лида распахнула серую дверь и пропустила Андерса в узкую кабину. Дверь была недавно покрашена, но от этого казалась только более старой, как старуха с алой помадой на сморщенных губах. Норберг оглядывался молча. Лицо его не выражало ни брезгливости, ни удивления. Если какие-то эмоции и вызвала в нем унылая обстановка, он держал их при себе.

– Это старый дом, он построен еще при Сталине, – Лида чувствовала потребность оправдаться.

– Интересно, – тактично ответил Норберг.

Наконец они вышли на просторную лестничную клетку четвертого этажа, и Лида повернула ключ в замке. На мгновение она замерла.

– Я живу с дедом, – предупредила она Андерса. – Он плохо слышит и не говорит по-английски. Ты сам напросился.

Андерс кивнул.

– Я дома, – привычно крикнула Лида. – Не одна!

Она включила свет в прихожей и попыталась оглядеть свое жилище со стороны. Она никогда не задумывалась, насколько презентабельно для иностранца выглядит квартира. В ней и русских-то гостей почти не водилось. В любом случае, главным кредо в жизни Лиды была аккуратность, поэтому за порядок она была спокойна.

Длинный и из-за высоты потолков казавшийся узким коридор тянулся к кухне. Клеить обои с такими потолками было настоящим испытанием, но год назад Лида прошла его. На светлых голубоватых обоях висели фотографии и маленькие акварельные рисунки: лидина мама в юности увлекалась живописью. По правую руку шли двери: в дедову комнату, в бывшую мамину, где теперь почти никто не бывал, и в комнату Лиды. Паркет был старым, для его ремонта надо было нанимать мастеров, но несмотря на потертости выглядел прилично. Из комнаты деда звучало «Эхо Москвы».

– Я не говорила деду, кто отец ребенка, – сказала Лида вполголоса. – И пока ты ничего не решил, не скажу. Ты – коллега, знакомый по работе, что-то такое. Проходи прямо по коридору на кухню, а я его приведу.

Андерс кивнул, и Лида заглянула к бабушке.

– Кто пришел? – спросил Александр Борисович. – Виталик?

– Нет, это по работе, – Лида нагнулась и чмокнула деда в сухую щетинистую щеку. – Он из Швеции. Выйдешь познакомиться?

– Можно.

– Хорошо, мы будем на кухне. Ты обедал?

– Пил чай с бутербродами.

– Я же оставила суп! Тебе надо есть горячее.

– Я чай даже не разбавляю!

– Перестань. Я погрею тебе гуляш с гречкой.

– Я могу и сам. Тебя ведь тошнит.

– Ничего, вечером получше. И сам ты опять будешь есть одни бутерброды. Все, мы тебя ждем, – Лида улыбнулась. Дед был ее самым родным человеком на свете, и если ремонт или скромная обстановка заставляли ее стесняться, то за бабушку она чувствовала только гордость.

Андерс стоял у окна.

– Ты голоден? – спросила Лида. – Я сейчас буду греть деду ужин, тебе тоже хватит. Правда, еда простая.

– Кажется, мы уже обсуждали устрицы в прошлый раз. Я всеядный. И да, я бы поел. Ты живешь одна с дедом?

– Да. Когда родители погибли, бабушка и бабушка меня воспитали. Потом бабушка умерла от рака, и вот мы остались вдвоем.

Андерс повернулся к холодильнику и оглядел сувенирные магниты из разных стран.

– Это твои?

– Да, я вела колонку путешествий. До того, как мне поручили интервью.

– Жалеешь?

– Не знаю, – Лида пожала плечами. – Но если я буду беременеть после каждого интервью, мне придется менять работу.

Андерс расхохотался.

– Ты заставляешь меня смеяться даже тогда, когда мне этого совсем не хочется.

– Садись, я достану ужин.

– Ты справишься с тошнотой? – спросил Андерс.

– Вечером мне гораздо легче, – Лида поставила на плиту кастрюльку с водой и достала с полки гречку.

– Что это?

Лида задумалась.

– Слушай, я понятия не имею, как это будет по-английски. Традиционная русская крупа. Подожди, я посмотрю в телефоне, – Лида открыла сайт-переводчик. – Вот. Buckwheat. Столько лет учу английский, а этого слова не знала.

– Я слышал, что русские ее любят. Она продается в специальных магазинах для русских эмигрантов. Но я никогда не пробовал.

– Значит, у тебя будет экзотический ужин. Загадывай желание.

– Зачем?

– Меня бабушка так учила. Когда пробуешь что-то новое, надо загадывать желание.

Лида промыла крупу и засыпала в кипяток.

– Здравствуйте, – Александр Борисович, распрямив плечи, зашел на кухню. Он был при полном параде: брюки и рубашка на все пуговицы.

– Добри ден, – по-русски старательно выговорил Андерс, встал и протянул руку.

– Александр, – представился дед, принимая рукопожатие.

– Андерс, – ответил Норберг.

Мужчины сели. Дед был лишь немногим выше Андерса. Годы в баскетболе приучили Александра Борисовича ценить высоких людей, поэтому в его затянутых старческой пленкой глазах мелькнуло одобрение.

– Вы тоже играете? – спросил дед и кивнул Лиде, чтобы та переводила.

– Дедушка спрашивает, не играешь ли ты в баскетбол.

– Нет. Я в детстве увлекался футболом.

Лида перевела.

– Очень зря, – дед тренерским взглядом окинул собеседника. – В футболе длинные ноги только мешают. А вот у нас его бы оторвали со всеми конечностями.

– Дед, Андерс – актер. Он со спортом никак не связан.

– Тем более, зря, – Александр Борисович разочарованно вздохнул. – Такие данные пропадают.

– Дедушка всю жизнь играл в баскетбол за один из лучших клубов советского союза, – Лида перешла на английский. – Потом был тренером и учителем физкультуры. Его очень огорчает, что ты не баскетболист.

– А почему тогда ты не баскетболист? – с улыбкой спросил Лиду Андерс.

– Я была легким форвардом. Третий номер, если ты понимаешь, о чем я, – с гордостью сказала Лида.

– Понимаю, – отозвался Андерс, и лицо его отразило озадаченность. – Я смотрел баскетбол.

– Чего он так удивился? – спросил дед.

– Я сказала, что занималась баскетболом.

– А что, девочки должны заниматься танцами? – фыркнул Александр Борисович. – Принеси, покажи свой победный альбом.

– Не надо, он и так поверит, – Лида поставила на плиту вчерашний гуляш.

Когда команды Лиды одержала первую победу среди детских команд Москвы, Александр Борисович начал вести фотоальбом с победными снимками. Он ходил на все матчи Лиды с фотоаппаратом и был там главным болельщиком. Тренерскую работу он к тому времени забросил, но устроил Лиду к своему знакомому и старался держать руку на пульсе.

– Почему ты ушла из баскетбола? И что сказал твой дедушка?

– Я ушла, потому что нужна была профессия со стабильным заработком. Женский баскетбол к таким профессиям не относится. Дедушка просил, чтобы я принесла свой победный фотоальбом. Ерунда.

– Принеси.

– Это скучно.

– Ты что, стесняешься? – поддразнил ее Андерс.

– Как скажешь! Но учти, это надолго, – Лида вышла и через минуту вернулась, положив перед Андерсом красный кожаный альбом.

– Лида, ты собираешься кормить гостя только гречкой и мясом? – сердито осведомился дед.

– Он говорит, что неприхотлив, – Лида посмотрела, как Андерс переворачивает картонные страницы с блеклыми цветными фотографиями. – Сейчас нарежу свежий салат.

– Хозяйка ты или кто! Как мне сбыть тебя с рук, если ты не можешь принять гостя. Достань селедки, у нас была, брауншвейгской, грибов, которые я летом закрывал. И белые достань, и опята, они с красной крышкой. И клюковки моей самодельной принеси. Хоть бы предупредила!

– Я понятия не имела, что он придет! – сказала Лида.

– Для этого и нужны заготовки. И даже если некогда готовить, можешь показать, что ты хорошая хозяйка. Ты бабушкину тетрадь с рецептами не теряй, и мою записную книжку. Вот я помру, ты хоть мужа без моих наливок не оставишь.

– Он мне не муж.

– Я старый, а не слепой. Я вижу, что никакие вы не «просто коллеги».

– Но...

– Давай, накрывай все. Неси, неси. О! – дед увидел один из снимков в альбоме. – А это они заняли первое место в Нижнем Новгороде.

Лида перевела Андерсу реплику про фотографию, украдкой взглянула на него и вздохнула. Если бы только можно было завоевать голливудского актера солеными грибами и клюковкой!

– За встречу, – сказал дед, поднимая рюмку с ярким ароматным напитком, когда Лида накрыла на стол.

– На здоровиэ, – по-русски ответил Андерс, и они чокнулись.

– Никогда не понимала, почему иностранцы говорят «На здоровье» и думают, что это русский тост, – сказала Лида Андерсу. – Я никогда не видела русского, который бы так говорил.

– А как вы говорите? – хриплым после настойки голосом спросил Андерс.

– Самое простое – «будем».

– Бу-дим? – по слогам повторил Андерс.

– Да.

Норберг ел с аппетитом. Не понравились ему только маринованные грибы. Зато селедка вызвала волну ностальгии.

– На флоте мы солили рыбу сами, – рассказывал он, откинувшись на спинку стула. – Лидия, переведи. Я вообще готовлю рыбу лучше всех. Отец любит готовить, и я тоже люблю. Я делаю семгу с таким соусом, – он потер пальцами, подбирая слова, – очень вкусно! А моя бабушка маринует селедку в вине. В Америке селедка продается только в Икее. Совсем не то. Лидия, переведи.

Лида перевела, и дед закивал. Клюковка сделала обстановку душевной.

– Настоящий мужчина должен уметь готовить, – сказал дед. – Ты лучше скажи, что ты собираешься делать с ребенком моей внучки.

– Дед! – Лида поперхнулась. – Причем здесь он!

– Что? – спросил Андерс.

– Подожди, – Лида снова повернулась к дедушке. – Ты о чем?

– Он видит, что ты не пьешь, но даже не предложил тебе. И не удивился. Значит, он знает о беременности. Ты не собиралась сообщать на работе и уж тем более не стала бы говорить случайному коллеге. А значит, ты соврала, и он не с работы. Просто так ты врать не будешь. К тому же, ему было интересно смотреть твой детский альбом. Значит, между вами что-то было, но он не принял решение, и поэтому ты не хочешь его выдавать, – Александр Борисович улыбался с видом Эркюля Пуаро, который собрал всех действующих лиц и объявил, что убийца – садовник. – А ты думала, я не пойму? Ты бросаешь Виталика, потом вдруг беременность,

окутанная тайной и красавчик-актер? Так что давай, переводи ему: что ты будешь делать с ребенком?

– Я не думаю, что он станет отвечать. И вопрос неуместный.

– Я не в том возрасте, чтобы разводить китайские церемонии. Пусть отвечает.

Лида взглянула на Андерса, который удивленно наблюдал за эмоциональным выпадом Александра Борисовича.

– Дедушка просит меня задать тебе вопрос, – Лида перешла на английский. – Но я предупреждаю, что ничего ему не говорила. Честно! Он спрашивает, что ты собираешься делать с ребенком.

– Откуда он знает? – с лица Андерса исчез всякий намек на улыбку.

– Догадался! Я не вожу домой толпы мужчин, если хочешь знать!

– Ты решила пустить в ход тяжелое оружие? – холодно спросил Норберг.

– Ты о чем?

– Использую пожилого человека, чтобы надавить на меня?

От возмущения у Лиды перехватило дыхание.

– Вчера я и понятия не имела, что еще хоть раз увижу тебя снова, – медленно и с расстановкой сказала она, – а теперь ты думаешь, что я разработала коварный план? И когда я, по твоему, все успеваю? Это ты решил прийти ко мне домой, я тебя не звала! И зачем ты вообще пришел? Чтобы обвинять меня? Или чтобы проверить, нет ли у меня тут детей от других звезд? Хотел посмотреть, не мошенница ли я?

Андерс промолчал, но по выражению его лица Лида поняла, что попала в точку.

– А я-то подумала, что ты хочешь лучше узнать меня или посмотреть, в каких условиях будет расти твой ребенок!

– Я совсем тебя не знаю, – оправдываясь, сказал Норберг.

– Я дала тебе шанс все решить по-человечески. Ты не должен мне верить, хотя это очень неприятно, когда тебя считают проституткой или обманщицей. Но ты продолжаешь обвинять меня! – Лида встала. – Это все, Андерс. Мне от тебя ничего не нужно. Если ты хочешь, мы проведем анализ, решай все с юристами. Ты оскорбил меня, но моего деда я оскорблять не позволю. А теперь уходи.

Андерс тоже встал.

– Что происходит? – спросил Александр Борисович.

– Ему пора уходить, – сухо сказала Лида.

– Значит, вот как, – дед оперся о стол и тяжело поднялся. – Ты должен отвечать за свои поступки, – он смотрел Андерсу в глаза. – Я не знаю, что ты ей сказал, и что между вами было. Но я вижу, что ты обидел ее, а она этого не заслуживает. Мой правнук не будет сиротой при живом отце. Можешь не жениться на ней, но это твой ребенок, и ты перед ним в ответе. Переводи, Лида.

– Я не буду унижаться.

– Я догадываюсь, что он сказал, – холодно сказал Андерс. – Но это его не касается.

– Уходи, пожалуйста, – тихо повторила Лида. – Я устала.

Еще мгновение мужчины стояли и, не мигая, смотрели друг на друга. Лиде показалось, что на Лице Андерса мелькнуло сожаление, но она не хотела себя обнадеживать. Наконец, Андерс развернулся и вышел, и она пошла проводить его до двери.

– Прости, если обидел, – шепнул он в коридоре. – Но ты должна понять меня.

– Я понимаю. У тебя есть мои контакты, скажи, когда надо будет подписать бумаги.

– Хорошо, – он стоял в дверях, словно собираясь что-то сказать.

– Пока, Андерс.

– Пока, Лидия.

И она захлопнула дверь.

ГЛАВА 8

Три дня от Норберга не было ни слуху, ни духу. Когда возмущение прошло, Лида начала жалеть о своей резкости, время от времени проигрывая в голове разные варианты последнего разговора. На четвертое утро ее разбудил сигнал о сообщении. Лида судорожно схватила телефон, надеясь увидеть хоть слово от Андерса, но писал Виталик: «Я в Москве. Давай встретимся».

Лида ответила: «Лучше не надо». Но телефон снова пикнул: «Надо поговорить. Думаю, я заслужил хотя бы разговор». Лида вздохнула. Виталик был сейчас последним человеком, которого она хотела видеть. Но все же они встречались слишком долго, чтобы бросить его по скайпу. Если ему хотелось неприятного разговора, значит, она должна была это вытерпеть. Совесть никто не отменял. «ОК. В 7 на Парке Победы удобно?» Виталик ответил утвердительно.

Уже заходя в офисное здание, Лида продолжала размышлять, стоит ли сообщать бывшему о беременности. В последнее время она была чересчур эмоциональна, поэтому ей хотелось избежать дополнительных обвинений. Но дед учил ее честности. Когда Лида распахнула дверь в кабинет, который делила с несколькими коллегами, на нее накинута Родионова.

– Где ты ходишь? Казакова рвет и мечет, ищет тебя!

– Что случилось?

– А ты не в курсе? – Катя удивленно отступила на шаг назад.

– Да в чем дело?

Катя бросила взгляд на Риту Вернер и Олесю Кузнецову, которые выглядывали из-за Родионовой и с любопытством наблюдали за разговором.

– Ты не видела новостные ленты?

– Нет, – Лида пожала плечами и бросила сумочку на свой рабочий стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.